DOI 10.24412/1026-8804-2025-1-5-16

Представляя рубрику

Дипломатические отношения между Россией и Японией были установлены в 1855 г. с подписанием Симодского трактата. После революционного перелома 1917 г. и утверждения советской власти первым официально подписанным двумя странами документом стала Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. Представленные в рубрике материалы посвящены этому событию и некоторым аспектам сложившихся на его основе двусторонних отношений. Сегодня, как уже не раз бывало в их полуторавековой истории, они переживают не лучший период. Поэтому не лишней представляется попытка ещё раз обратиться к обстоятельствам их становления и различным аспектам их последующей реализации.

Подписание конвенции не только ознаменовало собой новый этап в отношениях двух стран, но и положило конец семилетнему периоду конфронтации между новой послереволюционной Россией и её сильнейшим на тот момент дальневосточным соседом. Две предыдущие попытки снизить накал противостояния, вызванного начавшейся в августе 1918 г. военной интервенцией Японии, закончились провалом.

К началу 1920 г. на фоне некоторой стабилизации в положении молодой Советской республики интервенционистские войска были выведены с территории России. В марте 1920 г. Российская Федерация создала Дальневосточную республику (ДВР), основной задачей которой было предотвратить прямое столкновение между РСФСР и императорской Японией, не намеренной мириться с распространением революционных идей на подконтрольных ей территориях.

В декабре 1920 г. руководство ДВР направило японскому МИДу предложение провести переговоры по вопросу о выводе японских войск и установлении торговых отношений. 26 августа 1921 г. в китайском городе Дайрен начались переговоры, которые состояли из 39 заседаний и продолжались почти восемь месяцев, до 16 апреля 1922 г. Российскую делегацию возглавляли заместитель председателя Совета министров ДВР Ф.Н. Петров и военный советник В.К. Блюхер. Позднее

на переговорах в качестве наблюдателя присутствовал представитель РСФСР Ю.Ю. Мархлевский. Японскую делегацию возглавлял начальник департамента министерства иностранных дел Хадзимэ Мацусима. Невысокий статус главы делегации позволяет предположить, что японская сторона изначально не питала особых надежд на этот раунд переговоров.

Предъявленные сторонами условия изначально отстояли довольно далеко друг от друга. ДВР потребовала от Японии признать её государственный суверенитет и в месячный срок вывести войска в обмен на предоставление рыболовных концессий. Япония выдвинула список чрезвычайно жёстких условий: 1) ДВР должна гарантировать поддержание на своей территории «некоммунистического режима»; 2) обеспечить японским подданным равные права с гражданами Дальневосточной республики в области торговли и промыслов; 3) разрешить проход японских судов по р. Амур и Сунгари; 4) ликвидировать все военные укрепления и разрешить японским военным свободно передвигаться по своей территории. После достижения согласия в этой части требований Япония обещала приступить к выводу войск из континентальных районов ДВР, не затрагивая вопроса об оккупации северной части Сахалина. Большая часть японских требований со всей очевидностью противоречила намерениям Дальневосточной республики добиться признания суверенитета и установления добрососедских отношений, поэтому ни при каких условиях не могла быть ею принята.

Для достижения соглашения были и другие препятствия. Руководство ДВР требовало участия в переговорном процессе представителей Российской республики, на что Япония ответила категорическим отказом. Со своей стороны, Япония требовала от ДВР извинений и компенсации за Николаевский инцидент.

В то время Николаевск-на-Амуре представлял собой региональный центр рыбного и лесного промысла, золотодобычи, в городе работало несколько банков. Местное население не проявляло интереса к политическим событиям, которые не касались их непосредственно. С весны 1918 г. в городе стоял японский отряд численностью около 400 чел. Городские власти подчинялись созданному летом того же года Временному правительству автономной Сибири (ВПАС) со столицей в Омске. В 1919 г. по мере военных неудач белой армии и ослабления ВПАС активизировались вылазки партизан.

Вскоре после расстрела Колчака и ухода из Сибири войск Антанты, 20 февраля 1920 г., к Николаевску подошёл партизанский отряд под командованием Якова Тряпицына (1897—1920). Договорившись о нейтралитете с майором Исикава, командиром стоявшего в городе японского гарнизона, партизаны вошли в Николаевск. Однако перемирие продержалось недолго. 10 марта в городе начался общевойсковой бой, в котором имевшие огромный численный перевес партизаны одержали победу. В результате продолжавшихся несколько недель после этого грабежей и разбоя Николаевск был полностью разрушен, а сотни его жителей, в числе которых оказался и японский консул, убиты.

Рис. 1. Николаевск на карте Сахалинской области

По поручению руководства Дальневосточной республики во главе с А.М. Краснощёковым один из соратников Тряпицина по фамилии Андреев 7 июля арестовал своего бывшего командира и устроил над ним показательный «народный суд». 9 июля Яков Тряпицын и шесть его приближённых были обвинены в «подрыве доверия к коммунистическому строю среди трудового населения области», «нанесении урона советской власти в глазах трудящихся всего мира» и казнены.

Япония отреагировала на Николаевский инцидент оккупацией Северного Сахалина и ужесточением позиции на переговорах с ДВР. В Дайрене японская делегация неоднократно заявляла, что о выводе войск можно будет говорить только после выплаты компенсации.

В ноябре 1921 г. открылась Вашингтонская конференция, на которой обсуждалось военно-политическое положение в Тихоокеанском регионе. Россия и ДВР приглашения на конференцию не получили, и, хотя ДВР по собственной инициативе отправила в Вашингтон делегацию, она не была допущена к участию. Япония участвовала в конференции наравне

со всеми, но под давлением США и Великобритании, стремившихся максимально ослабить нового «азиатского тигра», была вынуждена согласиться на невыгодное для себя соотношение военно-морских сил и вернуть Китаю часть оккупированных территорий. Серьёзный удар по позициям Японии был нанесён также расторжением англо-японского военного союза. Отношения Японии и США предельно обострились, в обеих странах открыто заговорили о возможности прямого военного столкновения. Перспективы военного присутствия Японии на российском Дальнем Востоке ещё больше ухудшились после победы Красной армии над белогвардейцами в Волочаевском сражении в феврале 1922 г.

С учётом негативных тенденций на второстепенных направлениях и отсутствием прогресса в основных для неё вопросах Япония решила выйти из переговорного процесса. 15 апреля 1922 г. по её инициативе длившиеся восемь месяцев переговоры с ДВР были прерваны. Конференция закончилась ничем, если не считать предварительно согласованного сторонами проекта «Торгового и общего соглашения» и согласия передать ДВР российское имущество и сооружения, находящиеся в зоне японской оккупации.

За несколько дней до срыва переговоров, 10 апреля 1922 г., в Италии открылась Генуэзская конференция по экономическим и финансовым вопросам, на которой обсуждалась и нормализация отношений с Советской республикой. 24 апреля министр иностранных дел ДВР Яков Янсон (1886—1938) направил своему японскому коллеге Ясуя Утида письмо, в котором напомнил японской стороне об ответственности за срыв переговоров и попросил их возобновить.

30 мая с учётом результатов Генуэзской конференции, на которой Германия первой из западных стран признала Советскую республику и установила с ней торговые отношения, Япония согласилась вернуться за стол переговоров. 24 июня кабинет министров, в котором, несмотря на смену премьера, главой МИДа по-прежнему остался Утида, объявил, что до конца октября японские войска будут выведены со всех российских территорий, за исключением Северного Сахалина. Возвращение этой части острова по-прежнему увязывалось с решением вопроса о компенсациях за Николаевский инцидент, поэтому стало главным камнем преткновения.

Трудности начались уже при выборе места для переговоров. ДВР предложила Читу или Харбин, японская сторона —

Пекин или Дайрен. В итоге остановились на компромиссном варианте — маньчжурском городе Чанчунь.

Ещё в Дайрене японская сторона стремилась отделить ДВР и как участника переговоров, и как политического субъекта от учредившей её Российской федеративной республики в надежде заключить с первой сепаратное торгово-экономическое соглашение. На этот раз российская сторона ответила категорическим отказом, и Японии пришлось уступить, согласившись с тем, что в Чанчуне ей будут противостоять два равноправных партнёра, ДВР и РСФСР. Но согласие было оговорено условием, что обсуждаемые вопросы будут касаться только территории ДВР. Предполагалось, что в случае успеха переговоров в дальнейшем можно будет обсудить их распространение и на территорию РСФСР. Тем самым в фундамент будущего подписания конвенции 1925 г. был заложен первый камень.

Делегацию ДВР на Чанчуньской конференции возглавлял министр иностранных дел Яков Янсон, делегацию РСФСР — её полномочный представитель в ДВР и по совместительству посол в Китае Адольф Иоффе (1883—1927). Японскую миссию представляли начальник департамента по делам Европы и Америки министерства иностранных дел Цунэо Мацудайра (1877—1949) и консул во Владивостоке Хадзимэ Мацусима (1883—1961).

На этот раз переговоры продолжались всего три недели — с 4 по 26 сентября — и тоже закончились безрезультатно.

Рис. 2. Я.Д. Янсон

Рис. 3. Цунэо Мацудайра

Японская делегация повторила неприемлемые для российской стороны требования, выдвинутые на Дайренской конференции, и в то же время отказалась обсуждать дату вывода своих войск с Северного Сахалина до тех пор, пока не будет решён вопрос о компенсациях за Николаевский инцидент. Для российской же стороны деоккупация Северного Сахалина имела первостепенное значение. Кроме того, Янсон поставил японцев перед фактом, что любые достигнутые в Чанчуне соглашения не будут иметь силы без ратификации их Советской республикой. Это означало, что Япония уже в ходе переговоров должна была фактически признать РСФСР. Мацудайра отказался и, столкнувшись с твёрдой позицией Иоффе, прибег к риторике угроз, после чего российская делегация прервала переговоры. Таким образом, в свете позитивных для себя военно-политических изменений первой половины 1922 г. делегации ДВР и РСФСР заняли на Чанчуньской конференции активно-наступательную позицию, добавив к требованию деоккупации Северного Сахалина предложение признать РСФСР.

В начале октября 1922 г. силы Народно-революционной армии ДВР одержали победу в Спасской операции, открыв тем самым путь к Владивостоку. В конце октября японский гарнизон покинул главный порт южного Приморья, и в него вошли части НРА под командованием Иеронима Уборевича (1896—1937). Эти изменения сделали буферное государство ненужным, и в ноябре того же года ДВР вошла в состав Российской федерации.

Даляньские и Чанчуньские переговоры продемонстрировали главные цели японского правительства на Дальнем Востоке и в Сибири: 1) оказать противодействие распространению революционных идей на сопредельных с Японией территориях; 2) избежать, а если не удастся, то максимально отстрочить установление дипломатических связей с РСФСР путём отделения ДВР и признания её независимости; 3) сохранить и по возможности улучшить свои дальневосточные торгово-экономические преференции в области рыбодобычи, лесопромышленности и золотодобычи.

Однако после сообщений ряда западных стран о выводе своих войск и начале дипломатических контактов с Россией Япония осталась в одиночестве. Теперь ДВР и РСФСР могли не спешить с улучшением отношений с Японией, и в японском правительстве это поняли. Кроме того, японская интервенция подорвала торгово-экономические связи с дальневосточ-

ными территориями, которые осуществлялись через Владивосток и японские порты Цуруга и Майдзуру, обеспечивавшие доступ к экономически мощному району Кансай с его центрами в Киото, Кобе и Осаке. Также снизились поставки на японский рынок охотоморской рыбы и морепродуктов, поскольку промышлявшие здесь японские рыбаки стали подвергаться нападениям со стороны местного населения. Разрыв торговых связей с Россией обернулся большими экономическими потерями, вызвавшими недовольство в околоправительственных кругах.

Изменений во внешнеполитическом курсе требовала и ситуация в Маньчжурии. В стремлении расширить круг потенциальных союзников Россия привлекла к сотрудничеству партию Гоминьдан, пообещав передать ей Среднеазатскую железную дорогу. Япония в противовес этим усилиям попыталась заручиться поддержкой воевавшего с Гоминьданом генерала Чжан Цзолиня (1875—1928), но не смогла наладить с ним отношения.

Рис. 4. А.А. Иоффе

На фоне этих событий уже через четыре месяца после Чанчуньской конференции, в январе 1923 г., бывший министр иностранных дел, первый президент Южно-Маньчжурской железной дороги и губернатор Токио Синпэй Гото (1857—1929) пригласил министра иностранных дел СССР Иоффе в столицу и в следующем месяце провёл с ним переговоры, после которых публично призвал правительство к нормализации отношений с СССР. Несмотря на активное противодействие правых партий,

Рис. 5. Синпэй Гото

Гото активно продвигал свой план, считая его условием защиты японских интересов в Китае. Он предлагал содействовать включению СССР в систему международных отношений и на этой основе добиваться установления добрососедских связей, не вступая при этом в идеологические споры и не идя на уступки коммунистическим идеям. Помимо всего прочего, Гото рассчитывал нормализацией отношений с СССР снизить негативный эффект от результатов Вашингтонской конференции.

Ещё через год, в феврале 1924 г., советская сторона форсировала вопрос нормализации двусторонних связей, предупредив японского консула во Владивостоке, что не может далее поддерживать его дипломатический статус и будет считать его частным лицом.

Угроза подействовала. К ней добавились изменения во внешнеполитическом курсе Советской республики. После смерти В.И. Ленина её руководители отказались от идеи немедленной победы мировой революции, и проникновение социалистических идей в Японию перестало восприниматься японским правительством как неизбежная угроза, на борьбу с которой надо бросить все силы.

14 мая 1924 г. в Пекине начались первые советско-японские переговоры. Они продолжались восемь месяцев и завершились 20 января следующего года подписанием Конвенции об основных принципах взаимоотношений между двумя странами. От СССР подпись под документом поставил заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан, от японской стороны — посол Японии в Китае Дзэндзо Момии.

Успеху переговоров во многом способствовали достижения СССР в прорыве международной изоляции — в течение 1924 г. отношения с ним установили Китай, Франция и Великобритания. Этому содействовал также тот факт, что Япония сняла большую часть требований, выдвигавшихся на двух предыдущих конференциях. Она согласилась вывести войска с Северного Сахалина не позднее 15 мая 1925 г. и признать установление на этой территории советской власти. В качестве компенсации Японии были предоставлены права на ведение рыбного промысла у берегов Приморского края, зафиксированных в Портсмутском договоре 1905 г., и разрешено разрабатывать нефтяные и угольные месторождения в северной части Сахалина. Соглашение о концессии было привязано по срокам к деоккупации Сахалина и должно было быть заключено в течение пяти месяцев после вывода японских войск.

Обе страны заявили о желании строить добрососедские отношения, не вмешиваться во внутренние дела друг друга и избегать явных или скрытых враждебных действий совместно с третьими сторонами. Япония согласилась с возможностью пересмотра в будущем очень выгодной для неё рыболовной конвенции 1907 г. в соответствии с произошедшими с тех пор изменениями.

Главным итогом подписания конвенции можно считать установление дипломатических отношений между двумя соседними странами, имеющими не только противоречия, но и взаимодополняющие интересы. Для СССР большое значение имели: 1) дипломатическое признание со стороны сильного восточного соседа; 2) вывод японских войск с Северного Сахалина; 3) потенциальное снижение уровня поддержки, которую недружелюбная Япония могла оказывать контрреволюционным силам на Дальнем Востоке; 4) признание Японией права СССР на пересмотр соглашений, заключённых царским правительством, за исключением Портсмутского договора, зафиксировавшего итоги Русско-японской войны. Подписание конвенции стало важным этапом в борьбе СССР за международное признание и установление отношений с ведущими мировыми державами.

Япония на фоне общего ослабления своих позиций по результатам Вашингтонской конференции за счёт полученных от СССР экономических преференций смягчила общие негативные последствия военной интервенции.

Юбилейная рубрика представлена тремя статьями дальневосточных учёных, освещающих различные аспекты российско-японских отношений на рубежах XIX, XX и XXI вв. В статье **Е.С. Юкляевских** «Источники по истории миграционных процессов на японских северных территориях в период Мэйдзи» анализируются особенности описания миграционных процессов в северной части Японского архипелага в конце XIX — начале XX в. В ней даётся краткий обзор и описание документов, представленных в каталоге рукописных и ксилографических источников по Хоккайдо, Сахалину и Курильским островам из библиотечного фонда Университета Хоккайдо. Хранящиеся в библиотеке документы, имеющие отношение к миграции населения в северных районах Японии в указанный период, не имеют должного освещения в отечественной литературе, поэтому их публикация представляется весьма своевременной.

Статья состоит из трёх частей, в каждой из которых описывается один из трёх типов источников, выделенных автором исследования. Первая часть посвящена документам, связанным с внутренней миграцией японского населения из центральных районов страны на Хоккайдо. Во второй и третьей частях описываются источники, освещающие насильственное переселение сахалинских айнов на Хоккайдо и северокурильских айнов на Шикотан после подписания российско-японского договора 1875 г.

Результатом территориального размежевания с Россией и миграционной политики японского правительства стало резкое сокращение населения Курильских островов. Северные Курилы оказались необитаемыми и фактически перестали контролироваться правительством, что привело к активизации браконьерской добычи морепродуктов. С другой стороны, в результате колонизации Хоккайдо население острова за сравнительно короткий период выросло более чем в пять раз.

Статья **Л.В. Кальминой** «Россия между Сциллой и Харибдой: ситуация перед Русско-японской войной в „Восточном обозрении“» продолжает серию публикаций этого автора, посвящённых особенностям освещения сибирской региональной прессой переломных моментов истории «Азиатского Востока» на рубеже XIX—XX вв., когда внимание к этому региону со стороны мировых держав заметно усилилось. Для материаловедческого анализа автором статьи была выбрана издававшаяся в Иркутске газета «Восточное обозрение», отличавшаяся хорошей информативностью и высоким профессионализмом журналистов. Статья подготовлена на основе анализа 629 газетных сообщений и 11 приложений печатного органа, опубликованных в 1902—1903 гг.

Проанализировав публикации «Восточного обозрения» о событиях 1902—1904 гг., предшествовавших началу Русско-японской войны, Л.В. Кальмина приходит к выводу, что в условиях нарастания противоречий и угрозы эскалации конфликта между Россией и Японией газета старалась максимально придерживаться принципов объективного освещения ситуации, предоставляя всем её участникам возможность изложить свою позицию и аргументы. Стремясь максимально оперативно информировать читателей о текущих событиях, редакция «Восточного обозрения» редко размещала аналитические материалы. По мнению автора, это могло быть связано со стремительным характером развития событий, хотя

не исключено, что в этом сказывалось и осознаваемое редакцией главное предназначение печатного органа — предоставлять читателю всё многообразие мнений о текущей ситуации и знакомить его с прогнозами на ближайшее будущее. Анализ опубликованных материалов даёт хорошее представление о доминирующем в то время общественном мнении в России относительно невысокой вероятности вступления «отсталой Японии» в войну с могущественной Россией, а в случае начала войны — невозможности победы Японии. Что составляло заметный контраст с оправдавшимися впоследствии прогнозами многих зарубежных наблюдателей. Подобно другим отечественным изданиям, «Восточное обозрение» больше сообщало об успехах российской дипломатии и общественных настроениях, безоговорочно следовавших за официальными оценками представителей «партии войны» во главе с Николаем II. В то время как доходившие через дайджесты до российского читателя публикации японской прессы были полны прямо противоположными настроениями. Несмотря на то, что публикуемая в газете информация всё же позволяла думающему читателю при некоторых усилиях составить мнение, аутентичное складывающейся ситуации, сама редакция до последнего придерживалась иллюзорной надежды на то, что войны удастся избежать.

В работе **Е.Н. Чернолуцкой** «Проблемы становления приграничных экономических связей Курильского субрегиона и Японии в 1990-е гг.» анализируется специфика экономического взаимодействия курильских районов и японского приграничья в период российских рыночных трансформаций 1990-х гг., стрежневым моментом которого неизменно оставался доступ к морским ресурсам. Эта тема не получила достаточного освещения в отечественной литературе, хотя отдельные её аспекты, такие как соглашения в области рыболовства, изучены достаточно хорошо.

Раскрывая разнонаправленные позиции руководства Российской Федерации и Японии в отношении регионального курило-японского сотрудничества, автор акцентирует внимание на ключевом для обеих сторон вопросе о принадлежности четырёх островов Южно-Курильской гряды. Неоднократно выдвигавшиеся российским руководством идеи о создании зоны совместной хозяйственной деятельности оказались иллюзорными, в то время как позицию японского правительства, считавшего недопустимой любую деятельность по российским

законам на «спорной» территории, изменить так и не удалось. Японское руководство разделило для себя все острова Курильской гряды на две части, одна из которых (Северо-Курильский район) была признана «разрешённой» для формализованных международных связей, а во второй (Курильский и Южно-Курильский районы) любая деятельность иностранного бизнеса была объявлена недопустимой. Главными ограничительными факторами стали не только специфика экономических интересов соседних районов двух стран, ориентированных на доступ к воспроизводимым морским ресурсам, но и политические позиции их руководства. Российское правительство продвигало слабо реализуемую идею создания в Курильском и Южно-Курильском районах особой зоны совместной хозяйственной деятельности, в то время как для Токио она оставалась неприемлемой в силу открыто заявленных претензий на собственную юрисдикцию над этой территорией.

В 1998 г. было заключено российско-японское соглашение по рыболовству, однако это не привело к конструктивным изменениям в позициях сторон, а лишь породило легальную конкуренцию между рыбаками двух стран. Благодаря тому, что наложенные Японией ограничения не распространялись на Северо-Курильский район, в начале 1990-х гг. здесь начались подвижки в налаживании административно-хозяйственных связей с хоккайдским округом Немуро. Однако этот процесс быстро затормозился из-за отсутствия межгосударственных соглашений по рыболовству. Обилие нерешённых вопросов и противоречий во взглядах привели к тому, что в курильских районах не было зарегистрировано ни одного российско-японского совместного предприятия. Не получили развития и другие возможные формы двустороннего сотрудничества в береговой экономике, а сложившаяся модель экономического взаимодействия свелась к легальным и нелегальным поставкам сырой рыбы и морепродуктов в Японию.

А.Ф. Прасол,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН